новенно широкое распространение в русской поэзии последующих веков. Поэтические переложения псалмов оказались наиболее приемлемой формой выражения и личных чувств, и гражданственных помыслов. Переложения псалмов уже в самом своем материале содержали высокий строй чувств и мыслей, никак не соотнесенный с низкой тематикой, бытом и жизненной эмпирикой, но именно поэтому в переложениях псалмов на общем и в некотором смысле эстетически нейтральном стилистическом фоне могли быть заметны привнесенные каждым поэтом его собственные мысли и чувства, горестные заметы его сердца, его скорбь и его гнев. Вот почему как определенный жанр русской поэзии переложения псалмов вновь получили широкое распространение в конце 1740—начале 1750-х годов и в последующие десятилетия, в пору сложения новой русской поэзии послепетровской эпохи.

Между «Рифмотворной псалтырью» (1680 г.) Симеона Полоцкого и новой волной поэтических переложений псалмов прошло более полустолетия, в течение которого переложения Полоцкого широко распространялись в списках. Нет ни одного рукописного сборника кант и псальм XVIII в., куда не вошли бы переложения псалмов Симеона Полоцкого. И даже если бы у нас не было прямых доказательств знакомства поэтов середины XVIII в. — их собственных свидетельств — с переложениями псалмов Полоцкого, то мы уже на основании популярности их в рукописной песенной литературе могли бы считать это знакомство важным фактом их поэтической биографии.

Роль «Псалтыри рифмотворной» в образовании Ломоносова-поэта хорошо известна. Об этом сообщает его биограф, по-видимому располагавший сведениями, полученными из первых рук: «...как по случаю попалася ему псалтырь, преложенная в стихи Симеоном Полоцким, то, читав оную многократно, так пристрастился к стихам, что получил желание обучаться стихотворству».[23] Менее известен другой факт: Тредиаковский в «Предисловии» к своему до сих пор не опубликованному полному переложению всей «Псалтыри» (1753 г.) при определении целей и принципов своего переложения исходит из соответствующих мест в предисловиях Полоцкого и из его «Псалтыри рифмотворной» в целом. Совершенно сходно с Полоцким Тредиаковский заявляет: «Мне должно уведомить токмо читателей о причинах, которые меня возбудили к преложению всех псалмов стихами и, совокупно, о способе, какой наблюдаем был мною в преложении оных».[24] И далее, как Полоцкий, Тредиаковский последовательно перечисляет пять «причин», побудивших его к переложению псалмов. Важнейшая из них — отсутствие полного переложения псалмов современным, тоническим стихом, так как «Псалтырь» Полоцкого, по мнению Тредиаковского, безнадежно устарела из-за своего стиха: «Первая из тех: подражание всем, почитай, христианским народам, по крайней мере населяющим Европу. Нет из сих ни единого, у коего псалмы не были б преложены стихами, и стихами лирическими, как то и должно и род псалмов требует. Но сего самого и не было на нашем языке поныне, кроме некоторыя частицы. Преложение Симеона Полоцкого есть не токмо не лирическое, но и какого б было из поэзий вида, определить не без трудности; а что притом оно еще как везде, так и в сафической его строфе не стихами (выключая рифму, которая отнюд не составляет стиха по внутренности, но извне токмо украшает оный), о том уже между искусными нет ни малого сомнения. Сие, впрочем, сказано не в укор честному и ученому мужу, успшему уже о господе:

---

[23] Н. И. Новиков. Избранные сочинения. М.—Л., 1952, стр. 319.

[24] ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1037, л. 3. (Далее указываются только листы этой рукописи).